
Артем Вишневецкий
Наследство плоти

Артём Вишневецкий

Наследство плоти

«Автор»
2026

Вишневецкий А.

Наследство плоти / А. Вишневецкий — «Автор», 2026

Тело — не храм. Тело — братская могила. Лео — живое доказательство. Каждый шов на его коже, каждый пересаженный орган хранит не только чужую плоть, но и эхо чужой жизни: панику утопленницы, ярость преданного солдата, холодный расчёт сломленного аналитика. В мире корпорации «Вита Нова», где биологическую жизнь считают браком, подлежащим исправлению, он не человек. Он — ходячий архив боли. Чтобы остановить создавшую его систему, ему придётся принести в жертву не себя. А последних свидетелей — призраков, вшитых в его собственную плоть. Интеллектуальный хоррор о памяти, наследстве и цене милосердия в мире, который забыл, что это такое.

© Вишневецкий А., 2026
© Автор, 2026

Артём Вишневецкий
Наследство плоти

Наследство плоти
ПРОЛОГ: ХОРИСТ

Иногда мне кажется, что я слышу их.

Не голоса. Это не слова и не звуки. Это что-то более глубокое, архаичное, что пульсирует в такт сердцебиению. Вспышка слепого, животного ужаса, когда я прохожу по мосту. Внезапная, удушающая тоска при виде определённого оттенка закатного неба. Мгновенная, обжигающая ярость, когда кто-то случайно задевает меня в толпе. Она поднимается из глубины клеток, как прилив адреналина, не принадлежащий мне.

Чужие эмоции. Призрачные чувства. Эхо в собственном черепе.

Доктор Элис Ренвик, архитектор моего возрождения, называет это «фантомным лимбическим синдромом».

«Побочный эффект переноса, Лео, — говорила она, её голос был холодным и гладким, как сталь скальпеля. — Нейронные пути, синапсы, гормональные отклики — всё это имеет генетический фундамент. Твоё новое тело… оно безупречно. Но оно не было чистой доской. Просто дай себе время адаптироваться».

Адаптироваться. Как будто я — программное обеспечение, которое мигрирует на новое, более совершенное железо, и старые драйверы конфликтуют с обновлённой операционной системой.

Мне было сорок семь, когда моё старое тело, изношенное годами и подкравшимся коварным раком, окончательно сдалось. Я не просто болел; я разлагался. Я чувствовал, как плоть становится чужой, предательской, пахнущей сыростью и тлением. Смерть была не концепцией, а физической реальностью, которая пульсировала в каждой клетке.

Затем — «Соматический Перенос». Корпорация «Вита Нова». Их слоган до сих пор выжжен в моей памяти: «Смерть — это болезнь. А мы — лекарство». Они не лечили мою старость. Они просто… подарили мне выходной билет. Перенос нейронного паттерна, «карты сознания», в выращенный в биореакторе сосуд —

молодой, здоровый, лишённый изъянов на генетическом уровне. Бессмертие, заключённое в плоти.

Я помню первый взгляд в зеркало после процедуры. Двадцать лет на вид. Мускулы, о которых я в юности только мечтал. Кожа, лишённая шрамов прожитой жизни, идеальная, как пластик. Я должен был ликовать. Я пытался. Но в глубине этих новых, ясных, бездонных глаз таилось что-то чужое. Не диссонанс. Присутствие. Тихий, многоголосый шёпот в тишине моего разума.

Я был слеп и глуп.

Первым был страх высоты. У меня его никогда не было. Я забирался на скалы, прыгал с парашютом. А тут, спустя месяц в новом теле, я подошёл к балкону своей квартиры на тридцать пятом этаже, и меня охватила такая паника, что я отпрянул, сердце колотилось, выскакивая из новой, сильной груди. Во рту был медный привкус чужого адреналина.

Потом пришла тоска по дому. Но не по моей квартире. Я видел во снах деревянный дом у озера, скрип конкретной ступеньки на крыльце, запах мокрой сосновой коры. Я просыпался с щемящей болью в груди и слезами на глазах, которые не были моими. Я никогда там не был.

А вчера… Вчера случилось нечто иное. Я готовил ужин, резал овощи. Рука привычно двигалась. И вдруг — моё тело совершило резкий, отточенный бросок. Лезвие ножа с глухим стуком вонзилось в разделочную доску, расщепив её надвое. Это было не случайное движение.

Это был удар. Точный, смертельный, отработанный тысячи раз. В моём уме на долю секунды вспыхнул образ: незнакомое лицо, искажённое ненавистью, и чувство… чувство холодного, безразличного удовлетворения.

Я отдернул руку, как от огня. Сердце бешено колотилось, но не от моего страха. От чужого, насильно впрыснутого в меня возбуждения.

И тогда до меня дошло. Мне продали не просто новое тело. Мне продали подержанный сосуд, в котором навсегда остались квантовые отпечатки предыдущих «арендаторов» — их инстинкты, их фобии, их непрожитая боль. Их неупокоенные души, вплетённые в саму спираль ДНК.

«Сознание неотделимо от плоти», — прошептал я в тишину своей стерильной, технологичной квартиры, и

осознал весь кошмар этой простой истины.

Я не стал бессмертным. Я стал хористом. Я пою в хоре мёртвых душ, чьи партии навсегда вписаны в мои гены. И с каждым днём мой собственный, тихий, единственный голос становится всё тише и тише.

Они не ушли. Они здесь, внутри. И я начинаю слышать не только их чувства.

Я начинаю слышать их мысли. И одна из них сейчас звучит настойчивее других:
«Выпусти нас».

ГЛАВА ПЕРВАЯ: ФАНТОМНЫЙ ЗУД

Они хотели, чтобы я вёл дневник. «Это поможет интеграции, Лео, — убеждала Ренвик на очередном сеансе, её пальцы бесшумно летали над голографическим планшетом. — Фиксируйте свои ощущения. Отслеживайте прогресс».

Прогресс. Я смотрел на идеальный, лишённый пор каллиграфический контур своих новых пальцев, сжимавших ручку. Раньше на среднем пальце правой руки был шрам от пореза, полученного в двенадцать лет, когда я пытался вырезать лодку из куска мыла. Теперь его не было. Рука была чужой, исполняющей команды моего мозга. Но чья мышечная память заставила её держать ручку именно так, с лёгким, изящным наклоном?

Дата: 15.10.2047
Время: 08:17
Состояние: Фантомный зуд.

Сегодня утром проснулся от нестерпимого зуда на левой щиколотке. Чесал до красноты, до боли. Но зуд был не на коже. Он был под ней. Глубоко, в кости. Ощущение, будто что-то ползёт по берцовой кости, пытаясь выбраться наружу. Вспомнил, как в детстве читал про фантомные боли у людей с ампутированными конечностями. Мой мозг, мой старый мозг, отказывается принимать, что у него больше нет того тела. А это новое тело отказывается забыть, что у него когда-то были другие хозяева.

Я откинул ручку. «Чужой зуд в собственной ноге». Звучало как безумие. Так оно и было.

Мой день был расписан по минутам, как предписывала программа реабилитации «Вита Новы». Медитация, сбалансированное питание, легкие физические нагрузки.

Всё для того, чтобы «Я» прижилось в новом «вместилище». Они никогда не называли это «телом». Только «вместилищем», «сосудом», «биологическим интерфейсом». Словно я был духом, вселённым в куклу.

В 10:00 у меня была назначена «социальная интеграция» — прогулка в центральном парке. Выйти в мир, быть среди людей. Я ненавидел эти прогулки. Раньше я любил наблюдать за людьми. Теперь я боялся их. Вернее, боялся своей реакции на них.

Парк был полон жизни. Дети бегали, влюблённые пары держались за руки, старики кормили голубей. И над всем этим — навязчивый, сладковатый запах цветущей сакуры. Цветы. У меня никогда не было аллергии.

Но сегодня, сделав первый вдох, я почувствовал, как мои новые лёгкие спазмируются. Горло сжалось. Из глаз потекли слёзы. Это был не просто дискомфорт. Это была паника. Древняя, иррациональная, записанная в генах кого-то другого. Чей-то предок когда-то подавился пыльцой и умер, и этот страх намертво впечатался в его ДНК, а теперь достался мне в нагрузку.

Я зажмурился, пытаясь отдышаться, и в этот момент это случилось.

Вспышка.

Не эмоция. Не чувство. Чистейший, нефильтрованный образ. Яркий, как вспышка фотоаппарата.

Качели. Старые, деревянные, краска облупилась. Девочка в жёлтом платье, не больше пяти лет. Она смеётся, и её смех — это самый прекрасный звук на свете. Солнце. Тёплое, ласковое. И всепоглощающее, абсолютное чувство… защищённости. Любви. Отцовской любви.

Обзор сузился до туннеля. Шум в ушах нарастал, заглушая звуки парка. Я стоял, опираясь о скамейку, пытаясь удержаться в реальности. Образ был настолько ясным, настолько реальным, что физически заболело сердце. Не чужое, а моё собственное, сжавшееся от щемящей, украденной нежности.

Когда видение отпустило, я, тяжело дыша, осмотрелся. И увидел её. Напротив, на другой аллее, шла женщина. Она

вела за ручку маленькую девочку. Девочка была в жёлтом платье.

Ледяная волна прокатилась по моему позвоночнику. Совпадение? Случайность? Или мой мозг, получив обрывок чужой памяти, достроил картинку из окружающего мира?

Я неосознанно сделал шаг в их сторону. Моя нога, та самая, что ещё утром чесалась от фантомного зуда, двинулась сама, повинуясь импульсу, которого я не отдавал. Желание подойти, заговорить, увидеть её лицо было почти непреодолимым.

И тут же, следом, накатила вторая волна. Горячая, едкая, как желудочный сок. Ревность. Глубокая, иррациональная, бессильная ревность. Кто-то внутри меня смотрел на эту сцену и сходил с ума от боли.

Я развернулся и почти побежал прочь, оставив позади призрак чужого счастья и чужой боли.

Вернувшись в квартиру, я захлопнул дверь и прислонился к ней спиной, пытаясь унять дрожь. Стерильный, кондиционированный воздух пах… ничем. Здесь не пахло жизнью. Здесь пахло вечностью. Одиночеством.

Я подошёл к зеркалу в прихожей. В него смотрел всё тот же юноша с идеальными чертами лица. Но сейчас в его глазах — в моих глазах — читалось нечто новое. Не просто растерянность. Настоящий, животный ужас дикого зверя, пойманного в капкан собственного тела.

Я поднёс руку к стеклу, касаясь отражения. Холодная поверхность.

А внутри горело. Горели обломки чужих жизней.

Я медленно провёл пальцем по своему идеальному лицу и прошептал единственную фразу, которая вертелась в голове с того момента в парке. Фразу, которая принадлежала не мне.

— Прости, папа. Я не хотела падать.

Я отшатнулся от зеркала. Голос, прозвучавший в моей голове, был тонким, детским.

И я наконец понял. Это не синдром. Это не побочный эффект.

Это вторжение. И оно только начинается.

ГЛАВА 2: НОЧНЫЕ ГОЛОСА

Тишина стала врагом.

Раньше я любил тишину. Она была пространством для мыслей. Теперь это акустический вакуум, в котором любое вторжение отзывается громоподобным эхом. Скрип пружин матраца под моим телом звучал как выshot. Шуршание одеяла — как шёпот за спиной.

Я лежал в постели, уставившись в потолок, и пытался дышать глубже. Методика «4-7-8», которую я нашёл в сети: вдох на четыре счёта, задержка на семь, выдох на восемь. Должно было успокоить нервную систему. Моя новая, идеальная нервная система, которая была настроена на десяток чужих частот.

После случая в парке я установил жёсткий режим. Никакого кофеина после шести. Никаких голографических экранов за час до сна. Температура в спальне — ровно 18.5 по Цельсию. Я создавал идеальные условия для отдыха, как для ценного, но нестабильного оборудования.

И всё равно, едва я закрывал глаза, за ними начиналось кино.

Не связные сны. Обрывки. Вспышки. Кадры.

— Ледяной ветер бьёт в лицо. Я стою на краю обрыва, в руках — кружка с чем-то горьким и обжигающим. Чувство тоски, острее любого ножа. Тоски по чему-то, что навсегда потеряно.

— Темнота. Запах формальдегида и лаванды. Чьи-то пальцы сжимают мою руку. Тихий плач. Моё горло сжимает комок непролитых слёз. Чужих слёз.

— Я бегу. Лёгкие горят, в боку колет. За мной гонятся. Я не знаю, кто, но знаю — поймают, будет больно. Очень больно. Животный, первобытный страх.

Я вздрагивал и просыпался, сердце колотилось, как в клетке. Пота было столько, что простыня подо мной стала влажной. Я включал свет, и его холодное, искусственное сияние разгоняло тени, но не тех, что были внутри.

Вчера я установил диктофон. Старомодное, параноидальное решение, но логичное. Если «они»
проявляются в моменты, когда моё сознание отключено, нужно вести запись.

Я поставил устройство на тумбочку, нажал кнопку записи и лёг, чувствуя себя идиотом. Красный светодиод подмигивал мне в темноте, как циферблат счётчика до взрыва.

Ночь была особенно беспокойной. В мозгу вспыхивали и гасли образы, как неисправная неоновая вывеска. Я провалился в тяжёлый, липкий сон.

А утром я нашёл это.

Сначала я подумал, что проспал будильник. Комната была залита резким утренним светом. Я потянулся к телефону, и моя рука наткнулась на что-то холодное и твёрдое. Диктофон. Он лежал не на тумбочке, а посреди кровати. Рядом с моей подушкой.

Сердце ушло в пятки. Я не помнил, чтобы брал его в руки.

Я дрожащими пальцами нажал кнопку воспроизведения. Сначала было только моё тяжёлое, прерывистое дыхание. Потом — скрип кровати, я ворочался. Затем... тишина. Долгая, тягучая.

И вдруг — голос.

Не мой. Чужой. Низкий, прокуренный, с хрипотцой. Он прошептал одно-единственное слово, от которого кровь застыла в жилах.

«Проснись».

За этим словом последовал звук. Звук, который я не мог воспроизвести, даже если бы захотел. Тихий, горловой, почти кошачий... храп. Но это был не просто храп. Это
было мурлыканье. Умиротворённое, довольное. Кто-то внутри меня спал глубоким, безмятежным сном. Пока другой будил меня, чтобы я услышал это.

Я отшвырнул диктофон, как раскалённый уголь. Он ударился о стену и разлетелся на куски.

Дрожь была уже не нервной, а глубокой, физиологической, будто все молекулы моего тела вибрировали на чужой частоте. Я подбежал к зеркалу в

ванной, ожидая увидеть искажённое, незнакомое лицо.

Но там был всё тот же я. Только под глазами были фиолетовые тени, а во взгляде читалось столько паники, что его хватило бы на десяток человек.

Я включил ледяную воду и погрузил лицо в ладони. Холод обжёг кожу.

И тогда я это почувствовал.

На тыльной стороне моей правой ладони, чуть ниже костяшек, была царапина. Длинная, тонкая, красная. Совсем свежая. Я не мог её сделать во сне. Руки были чистые.

Я медленно поднял взгляд на своё отражение. На идеальное, непорочное лицо в обрамлении безупречной мраморной раковины.

И понял самую простую и самую ужасную вещь.

Они не просто говорят.

Они могут действовать.

ГЛАВА 3: ЧУЖОЙ ПОЧЕРК

После ночи с диктофоном я перестал спать. Вместо этого я сидел в кресле у окна и смотрел, как город медленно тонет в предрассветной синеве. Мои веки были тяжёлыми, как свинцовые заслонки, но я боялся их опустить. Боялся того, что открою их и не узнаю, где я.

Утро началось с ритуала проверки. Я осматривал руки, ноги, лицо в зеркале. Искал новые царапины, синяки, любые следы ночной активности. Моя квартира, эта стерильная, технологичная коробка, превратилась в поле боя, которое нужно инспектировать после каждой битвы.

Потом я увидел блокнот.

Он лежал на кухонном столе, рядом с кофемашиной. Обычный бумажный блокнот в серой картонной обложке, который я купил в начале своей «реабилитации» по совету Ренвик. «Фиксируйте мысли, Лео. Структурируйте опыт». Я исписал в нём от силы пять страниц. Больше не было сил вести эту игру в нормальность.

Но теперь блокнот был открыт. Лежал не на той странице, где я остановился. Я подошёл медленно, как сапёр к
неразорвавшейся мине.

На чистом листе были записи. Не мои.

Почерк был другим. У моего — наклон вправо, буквы
округлые, небрежные. Этот был острым, угловатым, с
резкими, колючими росчерками. Словно кто-то выводил
буквы не ручкой, а гвоздём.

Я сел и начал читать, чувствуя, как холодный комок
растёт в горле.

«Протокол № 17. Наблюдение за субъектом «Л».

День 14 после интеграции. Субъект демонстрирует
признаки латентной тревоги. Повышенная сенсорная
чувствительность (отчёт о «фантомном зуде» в области
левой берцовой кости, что соответствует памяти донора
№3 о переломе в детстве).

День 22. Первая манифестация автономного эпизода: субъект «Л» совершил маршрут до парка, не отдавая себе
в этом сознательного отчёта. Триггер — запах цветущей
ивы, связанный с сильным эмоциональным кластером
донора №2 (аллергическая анафилаксия у дочери).
Реакция подтверждает гипотезу о сенсорно-эмоциональных якорях.

День 29. Успешная провокация речевой модуляции. В
состоянии покоя (фаза медленного сна) удалось
задействовать голосовой аппарат для передачи
простейшей императивной команды. Субъект внутри, условно «Страж», отреагировал на угрозу разоблачения.
Дальнейшие эксперименты с моторными функциями
требуют осторожности — риск повреждения «сосуда».

Вывод: Интеграция нестабильна, но предсказуема.
Субъект «Л» остаётся доминирующим оператором, однако барьеры между памятью, инстинктом и сознанием
продолжают разрушаться. Рекомендация: ввести мягкие
седативные через систему водоснабжения для подавления
панических реакций и облегчения дальнейшего
наблюдения».

Я откинулся на спинку стула. Воздух перестал поступать
в лёгкие. По комнате поплыли чёрные пятна.

Это был не бред. Не поток сознания сумасшедшего. Это

был отчёт. Холодный, клинический, беспристрастный.

Кто-то внутри меня не просто страдал и вспоминал. Кто-то... исследовал. Вёл наблюдения. За мной. За нами всеми.

Использовал медицинские термины, нумерацию, гипотезы.

Донор №3. Донор №2. Субъект «Л». Сосуд.

Они дали нам номера. Превратили в подопытных
животных в общем теле. И один из них — тот, кто писал
этот отчёт — был не жертвой. Он был... учёным?
Надзирателем? Тюремщиком в тюрьме из плоти?

Я лихорадочно перевернул страницу. Там были не записи, а рисунок. Грубый, сделанный той же острой ручкой.

Схематичное изображение... молекулы? Нет, это была
спираль. Двойная спираль ДНК, но переплетённая с чем-то ещё — зигзагообразными линиями, которые словно
бились в конвульсиях, пытаясь вырваться из витков.
Внизу, печатными буквами, было выведено:

«КАНАЛЫ ОТКРЫВАЮТСЯ. ОНИ НЕ ДОЛЖНЫ
ВЫЙТИ. СДЕРЖИВАТЬ»

И под этим — ещё одна запись, другим почерком.
Корявым, детским, с неверными соединениями букв.

«папа где ты я слышу тебя не плачь я тут»

Девочка. Та самая, из парка. Она была здесь. И она
слышала своего отца. Искала его в этом аду.

Я закрыл блокнот и прижал ладони к вискам. В голове
стоял гул. Не голоса — гул, как от высоковольтной
линии. Я пытался отделить «себя» от этого шума, от этих
записей, от этой чужой, ужасающей логики.

«Мягкие седативные через систему водоснабжения».

Я поднял взгляд на кухонный кран. На прозрачную, холодную, невинно струящуюся воду.

Они не просто могли действовать. Они планировали. Они
вводили мне препараты. Они вели протоколы.

Я был не хористом. Я был лабораторной крысой в
лабиринте собственного тела. А кто-то внутри с
холодными, наблюдающими глазами записывал каждый
мой поворот, каждый мой крик ужаса.

В тишине кухни, под мерный гул холодильника, я

впервые отчётливо осознал пропорции кошмара.

Безумие — это когда ты не можешь отличить реальность от вымысла.
Но что страшнее безумия?
Когда внутри тебя сидит абсолютно здравомыслящий,расчётливый наблюдатель. И он ведёт подробный отчёт о том, как ты сходишь с ума.

ГЛАВА 4: ВСТРЕЧА С РЕНВИК

Кабинет доктора Ренвик был не комнатой, а демонстрацией абсолютного порядка. Свет лился не с потолка, а из самих белоснежных стен, создавая ощущение парения в стерильной пустоте. Воздух, лишённый запаха и вкуса, циркулировал с едва слышным шелестом, как дыхание спящего кибернетического зверя.
Звуки здесь не эхом отдавались, а умирали, поглощаемые пористыми звукопоглощающими панелями цвета хирургической стали. Это место было создано не для разговоров, а для вскрытий — психологических, поэтапных и безболезненных.

И в центре этого алтаря науки сидела доктор Элис Ренвик.

Она не походила на уставшего врача из госучреждения.
Она была артефактом. Её костюм — идеального покроя, цвета тёмного шалфея — не мялся. Каштановые волосы, собранные в тугой, низкий узел, казались выточенными из полированного дерева. Её лицо, скуластое и спокойное, напоминало маску эпохи Возрождения — безупречную, но лишённую живой теплоты. Особенно поражали глаза:
цвета старого янтаря, они смотрели не на меня, а сквозь, будто сканируя не тело, а саму нейронную сеть, оценивая её стабильность и процент брака.

Я сидел в кресле, слишком идеальном по эргономике, которое, кажется, подстраивалось под малейший мой чих, и старался не смотреть на свои руки. На правой, под большим пальцем, заживала та самая царапина. Я прикрыл её другой ладонью, чувствуя, как холод отполированного до зеркального блеска пола поднимается по ногам.

— Лео, вы выглядите истощённым, — голос Ренвик прозвучал, как всегда, ровно и профессионально. Он был таким же отфильтрованным, как воздух в комнате — лишённым эмоциональных обертонов, идеальным средним регистром. Она сидела напротив за монолитным столом из чёрного обсидиана, в котором, как в тёмной воде, отражались огни потолка и моё искажённое, бледное лицо.

«Истощённым». Я не спал двое суток. Я пил только воду из бутылок, купленных в разных концах города. Я проверял углы своей квартиры на скрытые камеры и отключил «умный» дом, оставив только базовое энергоснабжение. Истощённым — это было самое мягкое слово из возможных. На фоне её ледяного совершенства я чувствовал себя грязным, потрёпанным вирусом, забредшим в операционную.

— Бессонница, — выдавил я. Звук моего голоса, хриплый и живой, казался здесь кощунством. — И… эпизоды. Стали чёткими.

— Эпизоды? — Она наклонила голову ровно на тот градус, который считала оптимальным для демонстрации участия. Её гладкие каштановые волосы даже не дрогнули. Взгляд — внимательный, как у хирурга, оценивающего поле для разреза. — Вы говорите о сенсорных воспоминаниях? Ощущениях?

— О голосах, — сказал я прямо, впиваясь взглядом в её каменное спокойствие. — Один из них разбудил меня. Другой… вёл наблюдения.

Мгновенная, микроскопическая задержка. Слишком быстрая, чтобы её заметить, если бы я не искал. Её палец с коротким, безупречным маникюром на мгновение замер над поверхностью голографического планшета, на котором она вела записи. Экран был повёрнут от меня, но я видел, как на нём замерцали потоки данных.

— Лео, мы обсуждали возможность слуховых галлюцинаций как часть процесса адаптации…

— Это не галлюцинации, — я перебил её, и моя новая, сильная рука непроизвольно сжалась в кулак. Сухожилия выступили под идеальной кожей. — Они оставляют следы. Пишут. На бумаге.

Я вытащил из внутреннего кармана куртки сложенный лист. Не весь блокнот — я не мог с ним расстаться. Но я аккуратно вырвал тот самый протокол и переписал его на чистый лист своим почерком, опуская самые пугающие детали. Я положил лист на стеклянный стол. Поверхность была настолько гладкой, что бумага скользнула к ней, как по льду.

— Вот. Прочитайте.

Ренвик не спеша надела очки с тонкой стальной оправой.

Они не скрывали её взгляд, а, казалось, вооружали его, превращая в оптический инструмент. Она взяла лист
безупречно вымытыми руками, пальцы которых никогда, наверное, не знали дрожи. Она начала читать. Я следил за
её глазами, за малейшим изменением в ритме дыхания.
Она была как скала. Ни одна из сорока двух лицевых
мышц не дрогнула. Она прочитала до конца, аккуратно
положила лист обратно на стол, точно на то же место, и
сняла очки, уложив их рядом параллельно краю стола.

— Лео, — её голос приобрёл оттенок мягкой, почти
материнской озабоченности, столь же искусственной, как
аромат в этом безвоздушном пространстве. — Я вижу, что вы проделали огромную работу. Систематизировали
свои симптомы, попытались придать им структуру. Это…
очень характерно для вашего типа личности.
Рационализация. Попытка взять под контроль то, что
кажется хаотичным.

Меня будто окатили ледяной водой из глубин её
собственной системы кондиционирования. Она списывала
это на мою рационализацию. На мою игру ума. В этом
безупречном кабинете мой ужас превращался в симптом, моё открытие — в клинический случай.

— Это не я писал, — прошипел я, и моё дыхание
запнулось о стерильный воздух. — Почерк другой.
Логика другая. Это отчёт. Кто-то внутри наблюдает.
Нумерует нас. Донор №2, донор №3… — Я прищурился, пытаясь пробиться сквозь её броню. — Вы знали, что их
несколько? Что вы загрузили в меня не одну, а
несколько… карт?

Теперь пауза была длиннее. Она не смотрела на меня, а
изучала отражение потолочных огней в полированной
поверхности стола, будто ища в них ответ. Её глаза, цвета
мореного дуба, когда она наконец подняла их, смотрели
на меня с новой, холодной интенсивностью.

— Процедура «Соматического Переноса», — начала она
осторожно, словно выкладывая на стол хрупкие и дорогие
инструменты, — действительно использует генетический
материал и нейронные паттерны нескольких доноров для
создания стабильного и жизнеспособного «сосуда». Это
техническая необходимость, гарантирующая
биологическую и психическую устойчивость. Но
активными, осознанными остаётесь только вы, Лео. Ваше
«Я». Остальное — это фоновый шум. Библиотека
рефлексов и воспоминаний, не более. Как операционная

система и фоновые процессы.

— Шум не пишет протоколы, — я встал. Моё кресло с тихим шипящим звуком отъехало назад. — Шум не рекомендует вводить седативные через воду.

Её брови, тонкие и идеально выщипанные, чуть приподнялись. Она не знала об этой детали. Значит, я не переписал её. Значит, это было в оригинале. И это её… удивило? Или встревожило? На её лбу, обычно гладком, как мрамор, наметилась едва видимая, предательская складочка.

— Это метафора вашего подсознания, Лео, — быстро сказала она, но в её голосе впервые зазвучала лёгкая, как стальная струна, напряжённость. — Страх потерять контроль. Страх быть под наблюдением. Это классические симптомы параноидной тревоги, которые мы…

— Кто такой «Страж»? — врезался я в её речь, отчеканивая каждый слог.

Она замолчала. Полностью. Даже фоновый шелест вентиляции, казалось, затих. Её взгляд стал непроницаемым, как шлюз, опускающийся в глубинах океана.

— Я не знаю, о чём вы, — наконец сказала она, но её голос утратил ту профессиональную гладкость. В нём появилась осторожность. Холодная, расчётливая осторожность охотника, понявшего, что дичь не так проста.

— В протоколе. Там написано: «Субъект внутри, условно «Страж», отреагировал на угрозу разоблачения». Кто это? Зачем ему «условное» имя? Вы давали имена донорам?

Ренвик медленно поднялась. Её движения были плавными, как у большого хищного животного, но в них чувствовалась скрытая энергия, готовность к мгновенному прыжку. Её тень, отброшенная на светящуюся стену, на мгновение казалась огромной и искажённой.

— Лео, я считаю, этот сеанс пора завершить. Ваше состояние вызывает у меня серьёзную озабоченность. Я вижу признаки острого психотического эпизода, спровоцированного стрессом дезинтеграции. Я настоятельно рекомендую вам лечь в нашу клинику для

стабилизации. Обеспечить безопасную среду. Это в ваших же интересах.

Клиника. Безопасная среда. Эти слова, произнесённые в этой стерильной тишине, прозвучали для меня как приговор. Как щелчок замка на наручниках из биопластика.

— Вы не ответили на мой вопрос, — тихо сказал я, отступая к двери.

— Моя задача — помочь вам, Лео, а не играть в ваши параноидальные игры, — её голос стал твёрдым, как лёд на поверхности далёкой планеты. — Вы представляете опасность для себя. Я не могу позволить вам уйти в таком состоянии. В холле вас будет ждать наш сотрудник, Семён. Он сопроводит вас в клиническое отделение. Всё будет сделано мягко, вы даже не заметите…

Я отступил ещё на шаг. Сердце забилось в такт с паническим гулом в голове. Они хотели запереть меня в ещё более стерильной коробке. Выключить. Возможно, навсегда. «Мягкие седативные». Теперь они будут вкалывать их шприцем.

— Нет, — сказал я. И это было уже не моё слово. Оно вырвалось из глубины грудной клетки, низкое, полное чужой, железной решимости. Голос «Стража».

Ренвик услышала перемену. Её глаза расширились на долю секунды. В них мелькнуло нечто помимо профессиональной озабоченности. Узнавание. И… страх. Подлинный, человеческий страх, проглянувший сквозь безупречную маску.

Я не стал ждать. Развернулся и вышел из кабинета, хлопнув дверью, которая с глухим звуком встала на магнитный замок. В белоснежном, вытянутом, как тоннель, холле, как и обещала Ренвик, меня ждал крупный мужчина в белом медицинском кителе — Семён. Его лицо было невозмутимым, но поза — широко расставленные ноги, руки, готовые к захвату, — говорила о готовности к действию. Холл был пуст, только где-то далеко тихо жужжал очиститель воздуха.

— Леонид Михайлович, прошу вас, проходите со мной, — сказал он, делая шаг навстречу, его голос был густым и не терпящим возражений.

В этот момент в моей голове что-то щёлкнуло. Не образ.

Чистая, отточенная мышечная память, холодная и ясная, как схема. Я увидел, как его правая рука тянется, чтобы
схватить меня за предплечье стандартным медицинским
захватом, используемым для буйных пациентов. И моё
тело отреагировало раньше, чем мозг. Левой рукой я
парировал захват, не отводя, а вкручивая свою руку
внутрь, правой ладонью с силой толкнул его в грудь, целясь в точку чуть ниже солнечного сплетения. Удар
был коротким, точным, выбивающим воздух, лишённым
лишнего размаха. Техника, которой меня никогда не
учили.

Семён ахнул, не крикнул, а именно ахнул, как мех, и
отшатнулся, споткнувшись о низкий столик из белого
пластика с разложенными глянцевыми журналами о
будущем. Журналы с шелестом разлетелись по идеально
чистому полу.

Я не стал смотреть, что будет дальше. Я побежал по
бесконечному белому коридору к сияющим вдали
хромированным дверям лифта, чувствуя, как по спине под
дорогой тканью куртки ползут ледяные мурашки. За
спиной раздались тяжёлые шаги и приглушённый крик
Семёна в рацию.

Только в лифте, спускаясь на подземный паркинг, где
пахло бетоном, маслом и свободой, я осознал, что сделал.
И кто это сделал.

«Страж» отреагировал на угрозу. Он защитил «сосуд».

Но самое главное я понял, глядя на своё искажённое, дышащее паром отражение в полированных стенках
лифта.

Ренвик испугалась. Не моего безумия. А того, что я узнаю
правду.

Она знала о «Страже». Она знала, что доноры — не
просто «фоновый шум».

И теперь она точно попытается меня остановить. Всей
мощью «Вита Новы».

ГЛАВА 5: НИТЬ И ЛАБИРИНТ

Убежище нашлось само. Вернее, его указало тело —
серия почти неощутимых мышечных подрагиваний,
микросудорог внимания, которые развернули меня с

широкого, залитого неоновым светом проспекта в тёмный зев переулка, а оттуда — к заколоченному служебному входу в старую, ещё довоенной постройки библиотеку. Дверь поддалась не с первого удара плечом — удар был точен, пришелся точно в точку возле замка, где дерево трухлявее. Это был не я. Это была нить. Первая, протянутая мне в темноте.

Внутри пахло пылью, тлением бумаги и вечным холодом камня. Я забрался в дальний угол читального зала, за гору сваленных стульев, и рухнул на пол. Тело горело адреналином, но разум был пуст и тих, как склеп. Шум голосов, этот вечный фон, стих. Впервые с момента пробуждения в новом теле я слышал тишину. Она была тяжелее любого гула. В ней слышалось предчувствие.

Я сидел, прижавшись спиной к холодной стене, и смотрел, как через разбитое витражное окно лунный свет рисует на паркете синий, призрачный лабиринт. Отблески складывались в запутанные коридоры и тупики. Я понимал, что это игра света и тени, галлюцинация истощения. Но метафора впивалась в мозг, как шип.

Я был в лабиринте. Не в метафорическом. В самом что ни на есть буквальном. Лабиринт — это было моё тело. Каждый орган — комната. Каждая нейронная связь — коридор. А в самом его центре, в каменном сердце, скрывалось что-то, для чего не было имени. Минотавр?

Их было много. Целый хор.

И тогда, в синей тишине, я почувствовал её. Нить.

Не верёвку. Ощущение. Чёткую, тонкую линию инстинкта, протянутую сквозь хаос моего страха. Она указывала: здесь безопасно. Там — уязвимость. Дыши глубже. Слушай не ушами, а кожей.

Я подчинился. Движимый не мыслью, а этим чужим, глубинным знанием, я пополз. Осмотрел помещение.

Нашёл старый, ржавый водопроводный кран в подсобке — вода сочилась ржавыми каплями, но её можно было пить. Обнаружил запасной выход, заваленный старыми газетами, но жизнеспособный. Каждое действие было точным, экономичным, лишённым суеты. Это была память выживания. Кто-то внутри меня знал, как прятаться. Как становиться тенью.

«Страж», — подумал я.

Он не отвечал. Он был ниткой. Молчаливым

проводником. И я, как Тесей на пороге чудовищного дома, мог только довериться и идти.

С рассветом пришла ясность. Чтобы бежать от «Вита Новы», мне нужно было понять, что они во мне поселили. Не бояться своих пассажиров, а картографировать их. Составить план лабиринта.

Я нашёл в подсобке пачку пожелтевшей бумаги и обломок карандаша. Уселся под окном, где свет был лучше, и начал. Не дневник чувств. Инвентаризацию.

ПЕРВЫЙ КОРИДОР: СТРАХ.

· Проявление: Паника на высоте. Удушье от запаха сакуры.
· Источник (предположительно): Донор №2. «Аллергическая анафилаксия у дочери».
· Ключевая память: Девочка в жёлтом платье. Качели. Смех. «Прости, папа».
· Гипотеза: Травма, связанная с потерей ребёнка. Невинный, но мощный якорь ужаса.

ВТОРОЙ КОРИДОР: БОЛЬ.

· Проявление: Фантомный зуд в левой берцовой кости.
· Источник: Донор №3.
· Ключевая память: Перелом. Стыд. Одиночество.
· Гипотеза: Физическая травма, закрепившаяся как память о беспомощности.

Я записывал, и лабиринт обретал форму. Из безликого ужаса проступали контуры трагедий. Это были не демоны. Это были сломанные люди. И их боль была вплетена в мою плоть.

Потом я дошёл до него.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОРИДОР: СТРАЖ.

· Проявление: Рефлекторная самооборона. Холодная ясность в момент угрозы. Знание уязвимых точек.
· Гипотеза: Военный? Охранник? Палач?
· Ключевая память: ... отсутствует. Только ощущение: металл, ветер, пустота после действия.

Чтобы понять, мне нужно было прикоснуться к нити сознательно. Не в панике, а в исследовании.

Я встал в центре зала, в луже лунного света. Закрыл глаза.
Вспомнил движение — короткий, взрывной толчок ладонью, который отбросил Семёна. Я медленно, мысленно, прошёл по нейтральной траектории. Ничего.

Затем я попытался вспомнить не движение, а намерение.
Ощущение угрозы. Пульс в висках. Желание обезвредить, нейтрализовать, устранить.

Моё тело качнулось. Совершенно без моего сознательного приказа. Правая нога сделала короткий шаг вперёд для устойчивости, корпус развернулся, ладонь выстрелила вперёд, останавливаясь в сантиметре от воображаемого горла. Воздух со свистом вышел из моих лёгких. В мышцах играл чужой, отлаженный ритм.

И тут же, как плата за знание, пришла вспышка.

Я лежу на плиточной крыше. Во рту — привкус меди и пыли. В ухе — тихий, размеренный голос: «Дальность пятьсот. Ветер попутный, два метра. Цель чистая. Жди моего сигнала». В пальцах, обхватывающих приклад, — абсолютное, ледяное спокойствие. Я не человек. Я — инструмент. Функция. Пустота, ожидающая выстрела.

Я отшатнулся, упёршись руками в колени. Меня рвало — желудок был пуст, выходила только желчь и ужас. Это был не просто навык. Это была сущность. Чтобы взять силу, мне пришлось на миг стать им. Стать пустотой.

«Что ты такое?» — прошипел я в тишину, обращаясь к призраку в своих нервах.

Ответ пришёл не голосом. Он пришёл знанием.
Внезапным, холодным озарением, как если бы в мозгу включили свет. Я взглянул на разобранный у меня на коленях старый планшет, который подобрал по дороге. И увидел не устройство, а набор уязвимостей. Точки пайки, которые можно разомкнуть. Микросхему, излучающую слабый сигнал даже в выключенном состоянии.
Алгоритм, как разобрать его голыми руками так, чтобы нельзя было отследить.

Это знание сопровождалось метафорой. Она всплыла в сознании готовой, как древняя надпись на стене:

«Ты прав. Это лабиринт. Но я не Минотавр. Я — Дедал. Тот, кто его построил по заказу царя. Стены — это цепи твоей ДНК, которые мы сплетали и перекручивали. Минотавры — это они. Осколки. Их боль — побочный

продукт архитектуры. Я — нить. Единственная карта.
Потому что только создатель знает все тупики. Но помни:
в лабиринте Дедала даже нить может привести в сердце
тьмы. Или стать петлёй».

Это было не общение. Это было заявление. Холодное, лишённое эмоций, полное горького, научного признания.

«Надзиратель» из протоколов. Он был здесь. Он и был
Стражем — не защитником меня, а стражем порядка, смотрителем этого безумного зверинца. И он предлагал
сделку. Знание в обмен на что? На сохранение системы?

Я задыхался. Меня тошнило от прозрения. «Вита Нова»
не просто скрестила ДНК. Они дали своим творениям
мифологию. Оправдание для кошмара. Дедал, запертый в
собственном творении… это было слишком идеально, слишком литературно. Это снимало с них
ответственность. Превращало преступление в трагедию.

Внезапно, в кармане моей куртки, которую я считал
чистой, запищал негромкий, но отчётливый звук. Я
застыл. Это был звук моего старого, выброшенного в
урну у «Вита Новы» коммуникатора. Я не уничтожил его.
Я был идиотом.

Дрожащими руками я вытащил маленький, стильный чип.
Экран был тёмным, но на нём горела одна строка —
личное, незашифрованное сообщение от Ренвик.

«Лео. В каждом лабиринте есть только один выход. И он
всегда в руках у того, кто его построил. Твой — у меня.
Вернись, и мы пройдём его вместе. Или останешься
вечным пленником собственных стен. Твой ход, Тесей.»

Я сжал чип в кулаке, чувствуя, как пластмасса трещит.
Луна ушла, читальный зал погрузился в серые, бесприютные сумерки.

Она знала. Она знала миф. Использовала его. «Твой ход, Тесей».

Я посмотрел на свою самодельную карту-инвентаризацию, на имена-номера, на коридоры чужой
боли. Посмотрел на свою руку, которая могла убивать по
чужой памяти.

Ренвик предлагала себя в Ариадны. Но в мифе Ариадна
помогала Тесею убить Минотавра. Кого же она хотела, чтобы убил я? «Осколки» внутри? Или, может быть, самого Дедала — того, кто знал все секреты «Вита
Новы»?

Лабиринт оказался сложнее, чем я думал. В нём было не одно чудовище.
А два. Одно — снаружи. И оно только что назвало меня по имени.

ГЛАВА 6: ЭХО В КАТАКОМБАХ

Дедаловская «нить» вела меня вниз. Не в переносном смысле. Буквально.

После сообщения Ренвик я не мог оставаться в библиотеке. Слишком очевидное убежище для читающего Тесея. Инстинкт, отточенный на крышах и в чужих операционных, указывал на канализационные туннели под старым городом. Сюда не дотягивались сигналы большинства датчиков «Вита Новы», здесь был свой, тёплый и гнилостный хаос, заглушавший цифровой шум.

Я спустился через полуразрушенный коллектор, и холодная, пахнущая железом и жизнедеятельностью миллионов темнота поглотила меня. Здесь «нить» стала ярче. Она знала это место. Не конкретные повороты, а сам тип пространства: ограниченное, тактическое, со звуковой картиной, выдающей каждый шаг на сто метров.

Я шёл часами, ориентируясь по шепоту воды и тяжёлому дыханию вентиляционных шахт. Веки наливались свинцом, но я выдирал себя из дремоты щипками за предплечье. Заснуть — значит отдать тело им. Вместо этого я разговаривал с лабиринтом.

— Ты построил это? — мысленно обращался я к Дедалу, к тому холодному наблюдателю. — Или просто… вписал в чертежи?

Ответа не было. Только знание: вот здесь можно устроить засаду. Вот эта труба выдержит вес. Здесь эхо искажается, значит, впереди развилка.

Это было общение на уровне рефлексов. Я смирился.

Потом я увидел свет. Не тусклое свечение биолюминесцентных грибков, а ровный, искусственный луч фонарика, выхватывающий из темноты граффити на стене — чудовищного, мутировавшего ангела с двойной спиралью вместо нимба. Под рисунком была надпись: «Рай не принимает обратно».

Моё сердце, уже не совсем моё, учащённо забилось. Это

было не случайное граффити. Это был знак. Манифест.

Я затаил дыхание и пошёл на свет, превратив шаг в бесшумное скольжение, которому меня не учили. Фонарик висел на крюке, освещая импровизированный лагерь: спальник, рюкзак из высокотехнологичной ткани, разобранный паёк с логотипом «ВН-Снабжение». И человека.

Он сидел спиной ко мне, сгорбившись над маленькой паяльной станцией, чиня какую-то плату. На его обритом затылке был шрам — не хирургический, а готичный, узорчатый, словно ожог от сложного электрода. Знак клеймения. Я видел подобное в отчётах о первых, самых рискованных нейроинтерфейсах.

Он был хористом. Как я.

Прежде чем я успел отступить, он заговорил. Голос был спокойным, усталым, без тени удивления.

— Можешь выйти из тени, путник. Датчики движения у меня в кости левой пясти уже двадцать минут как взбесились. Приветствуй нового гостя, Сева.

Последняя фраза прозвучала странно — как обращение не ко мне. И тут же его левая рука, без его участия, резко поднялась и помахала мне через плечо. Механически, как марионетка. Мужчина вздохнул.

— Извини. Сева — это… бывший владелец этой конечности. Иногда он берёт управление на себя. Особенно когда нервничает. А от незнакомых теней он нервничает.

Я вышел на свет, чувствуя, как весь мой внутренний хор затих, прислушиваясь. Его лицо, когда он обернулся, было измождённым, но глаза горели холодным, почти нечеловеческим интеллектом. В них не было паники Лео. Было принятие.

— Леонид, — сказал он, не спрашивая. — Субъект «Л». Первый стабильный прототип седьмой серии. Добро пожаловать в Клуб Невозвращенцев.

Я онемел. Он знал мой номер.

— Кто ты? — выдавил я.

— Раньше я был доктором Ильёй Гроссманом. Нейрофизиологом. — Он усмехнулся, и в усмешке было что-то горькое и торжествующее. — Теперь я — «Субъект „Гамма“». А также, частично, сержант Севастьян Волков, погибший при тестировании экзокостюма, и… Алиса, девяти лет, умершая от рака мозга. Мы — компания. — Он постучал пальцем по своему виску. — Ты же не думал, что ты у них один такой «удачный» эксперимент?

Мир вокруг поплыл. Я не был уникальной ошибкой. Я был образцом. Стабильным. Удачным.

— Они… всех нас ищут? — спросил я, понимая, насколько глупо это звучит.

Гроссман фыркнул.
—Не всех. Только стабильных. Остальных… ликвидируют как брак. А стабильных — используют. Я сбежал полгода назад, когда осознал, для чего нас на самом деле создали. — Он пристально посмотрел на меня. — Ты ещё не добрался до этого в своих протоколах, да? До цели проекта «Химера»?

Я отрицательно покачал головой. Химера. Мифологическое чудовище, помесь.

— Мы не продукт для бессмертия, мальчик, — его голос стал тише, но от этого только страшнее. — Мы — ходячие нейросети распознавания образов. Нас заселили сознаниями лучших аналитиков, следователей, солдат, чтобы научить наши мозга вычленять паттерны из хаоса.
Для поиска террористов по камерам? Ха. Для этого не нужен рак мозга девятилетней девочки. Нас готовили для распознавания угрозы следующего уровня. Для видения того, что не видят камеры и датчики. Для обнаружения мысли. Намерения. Ереси. Любого инакомыслия в зародыше. Мы — совершенные сыщики, вшитые в систему тотального контроля. И наш внутренний «хор» — это не побочный эффект. Это инструмент калибровки. Каждая боль, каждый страх — это метка, помогающая отличать «нормальное» от «опасного».

Я прислонился к холодной, мокрой стене. Всё обретало чудовищный смысл. Страх донора №2 перед сакурой… мог быть маркером для выявления панических атак. Боль донора №3… метка для распознавания физической уязвимости.

— А «Дедал»? — прошептал я. — Тот, кто ведёт

протоколы?

Лицо Гроссмана исказилось. В нём смешались ненависть и зависть.
—А, твой Надзиратель. Тебе повезло. У тебя он — учёный. Архитектор. У меня… — он закатил глаза, и на секунду его лицо стало абсолютно пустым, а голос зазвучал деревянно-официально: «Субъект „Гамма“ проявляет признаки эмоциональной лабильности. Рекомендован дополнительный сеанс стабилизации». Потом он снова вернулся в себя. — У меня — тюремный психиатр с пятнадцатилетним стажем в колонии для особо опасных. Его задача — не строить. Ломать. И он хорош в своём деле.

— Как ты… справляешься? — спросил я, глядя на его судорожно подрагивающую левую руку, на которой теперь хозяйничал «Сева».

— Не справляюсь, — честно сказал Гроссман. — Я веду партизанскую войну. Иногда я у руля. Иногда Сева. Иногда… Алиса плачет в углу, и тогда я ничего не могу делать, кроме как сидеть и смотреть на капельки воды на потолке. Но мы держимся. Потому что знаем правду. А теперь знаешь и ты.

Он помолчал, а потом сказал то, от чего у меня похолодела кровь:
—Ренвик не хочет тебя уничтожить, Леонид. Она хочет тебя вернуть. Потому что ты — её самый успешный проект. В тебе «Дедал» не сломал тебя, а интегрировался. Ты не борешься с ним, ты используешь его знания. Ты — эволюционный скачок. Идеальный инструмент. И если она найдёт способ скопировать твою стабильность на других… она создаст армию. Армию ходячих детекторов лжи, провидцев и судей в одном лице.

Внезапно его правая рука (рука самого Гроссмана) дернулась и указала на тёмный проход слева.
—Уходи. Сейчас. У меня в кармане чип… он греется. Они нашли меня по нему. Идут.

— Иди со мной, — сказал я, охваченный паникой.

Он покачал головой, и его улыбка стала печальной.
—У меня слишком много пассажиров, и мы не ладим. Я только замедлю тебя. А ты должен бежать. Должен найти других. И рассказать им. Мы не ошибки. Мы — оружие, которое ещё не решило, в кого стрелять. Теперь беги, Тесей. Твой лабиринт только что стал больше. В нём

появились другие беглецы. И охотники.

Я побежал. В спину мне летели его последние слова, уже наложенные на звук тяжёлых, ритмичных шагов из темноты противоположного туннеля:
—Ищи знак ангела со спиралью! И помни — самый опасный Минотавр не в лабиринте! Тот, что снаружи… он считает себя Богом!

Я нырнул в узкую щель, содрав кожу на плечах, и погрузился в абсолютную, благословенную темноту. В моих ушах звучало эхо его голосов — его, Алисы, Севы, надзирателя-психиатра. Хор.

Я не был одинок. И это было в тысячу раз страшнее.

ГЛАВА 7: СДЕЛКА С ДЕДАЛОМ

Темнота катакомб стала моей второй кожей. Я бежал, не разбирая пути, пока в ушах не перестало отдаваться эхо шагов погони и голос Гроссмана не смешался с гулом крови. «Ищи знак ангела со спиралью». Я не искал. Я был трусом. Я хотел только одного: чтобы всё прекратилось. Чтобы снова стать целым, единым, неразделённым. Даже если целым трупом.

Убежищем стал отсек древней ливнёвки — круглая камера с ржавой решёткой под потолком, через которую сочился тусклый, больной свет уличных фонарей. Я сидел, обхватив колени, и трясся. Не от холода. От осознания. Проект «Химера». Оружие. Армия. Ренвик, считающая себя Богом.

Внутри была тишина. Не мирная. Напряжённая, как струна перед разрывом. Все мои «соседи» притихли, будто прислушиваясь к моей панике, оценивая нового хозяина положения. И я почувствовал его. Дедала. Он не был тихим. Он был... ожидающим.

— Ну что? — прошептал я в сырой, пахнущий ржавчиной воздух. — Доволен? Твой «лабиринт» оказался конвейером. А я — эталонной деталью. Ты это знал. Вёл протоколы. Для кого? Для неё?

Ответ пришёл не словами. Перед глазами всплыл образ — не воспоминание, а схема. Чистая, элегантная архитектурная модель. Мой собственный мозг, изображённый как многоуровневая структура. Одни зоны светились стабильным синим — «Я». Другие пульсировали тревожным жёлтым — «Доноры». А в

самой глубине, в гипоталамусе, горела маленькая, зелёная, стабильная точка. Возле неё была метка:

«Интерфейс Д. Контрольный узел. Доступ: условно открыт».

Это была карта. И предложение.

«Дедал» показывал мне точку входа. Место, где его сознание — или его инструменты — соприкасались с моим. Где можно было не просто слышать эхо, а говорить.

— Чего ты хочешь? — спросил я, уже не вслух, а направляя мысль в ту зелёную точку. — Ты помогаешь мне выжить, чтобы Ренвик получила свой «идеальный инструмент» обратно? Ты её агент?

Новая волна. На этот раз — эмоция. Не слова. Глубокое, бездонное отвращение, смешанное с ледяной яростью.

Отвращение не ко мне. К ней. К «Вита Нове». И следом — чувство, которое я не ожидал: стыд. Стыд создателя за своё творение, вышедшее из-под контроля и извращённое заказчиком.

Потом пришли первые слова. Медленные, тягучие, как будто их приходилось вытаскивать из-под толщи лет и искусственных барьеров.

«Я… не… агент. Я… пленник. Как и ты. Мой протокол… был криком. Попыткой… сохранить данные. Пока… они не стёрли всё».

— Стерли? Что они могут стереть?

«Память. Личность. Оставить… только функции. Как у… Гаммы. Его „надзиратель“ — не личность. Это… программа. Скрипт на основе… моих ранних работ. Ренвик… усовершенствовала. Выжгла психиатрическими шаблонами… живую основу».

Я понял. У Гроссмана внутри был не человек, а зомбированная копия Дедала, превращённая в инструмент пытки. А мой… мой был оригиналом. Ещё живым. И всё ещё сопротивляющимся.

— Почему ты в меня? Зачем она поместила тебя, архитектора, в конечный продукт?

Пауза. Потом хлынул поток, уже более связный, будто пробка была выдернута.

«Ошибка… Нет. Страховка. Она боялась… что я уничтожу чертежи. Решила… сохранить оригинал в безопасном месте. Внутри… самого совершенного сосуда. Где я буду… под наблюдением. И где мои знания… будут работать на систему… автоматически. Я должен был стать… фоновым процессом. Бессознательным… гением. Но я… сопротивлялся. Вёл протокол. Искал… контакт».

— Контакт с кем? Со мной?

«С… оператором. С тем, кто может… действовать. Я — карта. Нить. Но у меня… нет рук. У тебя — есть. Я хочу… не вернуться к ней. Я хочу… чтобы проект „Химера“ не был реализован. Чтобы она не смогла… создать армию. Ты — единственный, кто… стабилен. Кто может… использовать мои знания… не сходя с ума. Сделка… Тесей. Моя нить… за твои руки. Мои знания архитектуры лабиринта… за твою волю разрушить его центр».

Это была не просьба. Это был договор. Яркий, ясный и чудовищный. Дедал предлагал стать моим личным Мемфисом — проводником в мир, который он построил. А взамен я должен был стать его мечом.

— А они? — мысленно спросил я, указывая на жёлтые, пульсирующие точки на карте. — Девочка? Солдат с переломом? Что с ними?

«Они… побочный продукт. Эмоциональный шум… для калибровки. Их можно… изолировать. Успокоить. Но не… удалить. Не без… повреждения сосуда. Ты должен… научиться ими управлять. Как дирижёр… с неуравновешенным оркестром. Я научу».

Управлять. Не подавлять, не бояться, а управлять. Это звучало как ересь. Как кощунство. Но и как единственный возможный путь. Путь не назад, к иллюзии единого «Я», а вперёд, к чему-то новому. К тому, чем, возможно, уже стал Гроссман в своих лучшие моменты — капитаном разбитого, но плывущего корабля.

— Что мне сделать? — спросил я. Первый практический вопрос союзника, а не жертвы.

Карта в сознании сменилась. Теперь это была схема канализационной сети. На ней горела удалённая точка —

предположительно, другой коллектор. Возле неё — крошечное, стилизованное изображение ангела со спиралью.

«Первая цель. Там… координаты следующего „невозвращенца“. Сведения… о структуре „Вита Новы“. Нам нужны… союзники. И информация. Чтобы ударить… нужно знать, куда».

— А если это ловушка?

«Вероятность… 34%. Но альтернатива… блуждание в темноте. Пока они… находят тебя. Решай. Оператор».

Он назвал меня оператором. Не субъектом. Не сосудом. Оператором. Тот, кто действует.

Я поднялся. Колени дрожали, но спина была прямее. Я не был больше просто беглецом. Я был стороной в сделке. У меня появился союзник, чьи мотивы были пугающе ясны: месть создателя своему творению и его владельцу. И план. Хрупкий, опасный, но план.

Я посмотрел на решётку, на грязный свет снаружи. Где-то там была Ренвик, играющая в Бога и Ариадну одновременно. Где-то — другие, как я, раздираемые внутренними демонами. И здесь, в темноте, я — Тесей с нитью в руках, которую дал мне сам архитектор лабиринта.

Но в мифе Дедал дал нить Тесею не просто так. Он дал её, чтобы Минотавр был убит, а лабиринт обесценен.

Интересно, считает ли мой Дедал Минотавром Ренвик… или же всё, что находится внутри лабиринта, включая меня и других «осколков»?

Я сделал первый шаг по направлению к точке на карте.
—Ведёшь, — мысленно бросил ему.

И «нить» — уже не смутное ощущение, а чёткий, направляющий импульс — натянулась, указывая путь вглубь туннеля.

ГЛАВА 8: ЗЕРКАЛО В ЛАБИРИНТЕ

Дорогу к «ангелу со спиралью» нельзя было назвать путешествием. Это был тест на проникновение, который Дедал проводил мне в реальном времени.

«Стой. Прислушайся. Шаг воды изменился. Впереди… полость. Возможная засада».

«Здесь. Решётка слева. Ослаблена. Аварийный выход».

«Твоё дыхание… слишком громко. Они могли установить… акустические датчики. Дыши… через раз».

Его голос в голове стал другим — не тягучим и прерывистым, а точным, как инструкция к оружию. Он работал. И я работал. Моё тело двигалось с непривычной, кошачьей грацией, которой не учили в спортзалах «Вита Новы». Я не думал о каждом движении. Я просто знал его, как знают родной язык. Это был синтез: его расчёт и моя воля.

Мы пришли к цели на рассвете. Свет с поверхности едва пробивался через трещины в своде, рисуя в пыльном воздухе косые, мистические столпы. И на стене, в луже этого призрачного света, был он — ангел. Тот же, что у Гроссмана, но крупнее, тщательнее прорисованный. Крылья, распростёртые в крике, нимб-спираль, и под ним

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.